

КАРЕЛИЯ: ФИННИЗАЦИЯ ПО-СОВЕТСКИ И ПО-ФИНСКИ

A. Zinkevich. Karelia: Finnisation in Soviet and in Finnish Way.

During the World War II the part of Karelia was moving from hand to hand several times. Despite different interests of the USSR and Finland in Karelia, both countries was realizing the same language policy, so-called “finnisation”. This paper analyses Soviet and Finnish language policy methods in this region in 1939–1944.

Keywords: language policy, occupation, Soviet-Finnish War, finnisation, (de)russification.

История языковой политики с 1939 по 1944 год демонстрирует удивительный параллелизм, как минимум, в трех регионах: в Западной Карелии,¹ Западной Беларуси и, в чуть меньшей степени, в Западной Украине. Все три региона пережили во время Второй мировой войны три волны оккупации. Сначала, в 1939 году эти области были заняты советскими войсками; в 1941 году соответственно, финскими и немецкими; и, наконец, в 1944 году – опять советской армией. Все три региона пережили во время Второй мировой войны три кардинальных смены режима, но при этом новые власти, декларировали одну и ту же языковую политику – национализацию этих регионов, лоббирование языков титульных наций. Оставив в стороне Западные Беларусь и Украину, обратимся к языковой политике СССР и Финляндии в Западной Карелии.

Как известно, в результате советско-финляндской (Зимней) войны 1939–1940 гг. СССР захватила обширные территории т.н. Карельского перешейка, Приладожской и Западной Карелии, небольшую часть Лапландии и некоторые острова в Финском заливе. Эти территории оставались в составе Советского Союза до июля-начала декабря 1941 г., когда Финляндия в течение пяти месяцев вновь заняла эти районы в рамках союзнических отношений с Третьим Рейхом.

¹ В статье используются наименования «Западная» и «Восточная» Карелия для одного и того же региона – спорной для СССР и Финляндии части Карелии. Первое название – с точки зрения СССР, второе – с точки зрения Финляндии. Для экономии места употребляется и просто термин «Карелия» с подобным значением.

И, наконец, в 1944 г. в ходе наступления советских войск была вновь восстановлена граница между СССР и Финляндией по итогам Зимней войны. Таким образом, в рамках Второй мировой войны можно выделить два периода оккупации в Карелии: советский (март 1940 – июнь 1941) и финский (декабрь 1941 – июнь 1944).

Советская оккупация Карелии.

Важной особенностью советского периода оккупации Карелии, является тот факт, что финны эвакуировали перед отступлением из Карелии почти все свое население – более 400 тысяч человек (Осипов 2007: 23-24). То есть новая власть получила малонаселенную, местами ненаселенную территорию. Сформированные для проведения пропагандистской работы на оккупированных территориях советские идеологические бригады, состоявшие из сотрудников, владеющих финским языком, оказались, по сути, не у дел. Агитировать за Советскую власть было почти некого. Около трёх тысяч человек (в основном, старики, дети и женщины), оставшиеся в оккупированной зоне Карелии не могли составить опору для новой власти. Предполагалось переместить сюда часть населения из других областей СССР (Кишин 1999: 197; Макуров 1995: 26). Такая ситуация, судя по всему, не имеет аналогов в густонаселенной Европе времён Второй мировой войны, где оккупационным властям всегда приходилось иметь дело со значительным количеством местного населения и выстраивать свою языковую политику, исходя из имеющейся языковой ситуации. Даже в том случае, если новые власти хотели полностью сменить «неподходящее» местное население (например, в немецкой оккупационной зоне Словении, в Крыму, в Банате и некоторых других местах), они вынуждены были на первом этапе оккупации заниматься деструктивной языковой политикой против титульного местного языка и тем или иным образом вытеснять не устраивающее их население из страны.

Несмотря на малонаселенность оккупированной части Карелии, советские власти должны были наладить на этой территории гражданскую жизнь. В информационной записке секретаря Карельского обкома от 30.12.1939 «О работе среди населения восточных районов Финляндии, занятых советскими войсками» среди первоочередных вопросов, требующих решения в ближайшее время, под номером один ставится проблема учебников для оккупированных территорий. Предлагается использовать учебники для карельских школ СССР, так как население на оккупированных территориях го-

ворит на карельском языке. Кроме того, в Записке сообщается о необходимости «лозунгов, листовок, плакатов на финском языке для обслуживания населения» и о создании кружков финского языка как для оккупантов, так и для местного населения:

Работники партийного, советского аппарата – карелы, понимающие разговорный финский язык, сами немного говорящие на финском языке, должны будут хорошо овладеть литературным финским языком, научиться читать и писать по-фински с расчетом использования их потом в государственном аппарате Народной республики (Макуров 1995: 27-28).

Еще одной важной особенностью оккупации финской Карелии является то, что она была объединена с Карельской Автономной ССР, которая после этого была преобразована в Карело-Финскую ССР (КФСР).¹ И если в Конституции Карельской Автономной ССР 1937 г. официальными языками признавались русский, финский и карельский, то в Конституции 1940 г. в Карело-Финской ССР были признаны государственными только русский и финский языки² (Клементьев 2002: 52-57). Этот и дальнейшие шаги властей говорили о том, что, по сути, решено было провести финнизацию и русификацию КФСР через понижения статуса карельского языка до уровня диалекта финского. Программа расширения сферы употребления финского языка в этот период получила негласное название «вторая финнизация» Карелии. Ее программа была принята на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) от 27 марта 1940 г. В ней предусматривались следующие меры по распространению финского языка:

- Финский язык получает статус государственного и языка делопроизводства (наряду с русским языком);
- Создается республиканская газета на финском языке;
- Проводятся мероприятия по изучению финского языка в КФСР;
- Все национальные учебные заведения переводятся с карельского на финский язык обучения;
- В Петрозаводске создается государственный университет с финским языком обучения;
- С трудящимися ведется разъяснительная работа, цель которой показать, что финский язык должен стать главным средством подь-

¹ Те. статус республики был повышен с «автономной» до «союзной».

² На первой сессии Верховного Совета Карело-Финской ССР 9 июля 1940 г. при принятии новой Конституции республики, ее статьи зачитывались на русском и финском языках (Килин 1999, 226).

ема национальной культуры, науки, литературы, искусства. (РГА-СПИ, ф. 17, оп. 3, д. 1021, л. 32-33).

В Карелии проводилась самая поздняя в Советском Союзе «коренизация» – привлечение на государственно-партийные управленческие должности выходцев из местного населения. Более трети депутатов Верховного Совета КФССР были финнами, карелами или вепсами (Килин 1999: 226).

Не следует забывать, что в советской части Карелии 2-3 годами ранее финский язык был, фактически, запрещен в ходе волны репрессий против карельского населения, в особенности финнов, как местных, так и прибывших в свое время из Финляндии и Нового Света.¹ Это положение дел изменилось только в преддверие войны с Финляндией, когда партийное руководство и военные Карелии изучали финский язык для «просветительской» работы среди финского населения в будущем. Эта «вторая финнизация» Карелии² ставила задачу овладеть финским языком руководящим кругам, армии и всему населению Карелии. Так, кроме упомянутых выше мероприятий по внедрению финского языка, А. Лайне упоминает о создании для высшего руководства спецфакультета при Карело-Финском государственном университете для изучения финского языка на дому³ (Лайне 1998: 230). Кстати, при создании Карело-Финского государственного университета предполагалось, что преподавание будет вестись на финском языке, однако впоследствии выяснилось, что ни преподавателей, ни студентов, владеющих финским языком, после репрессий 1937-1938 гг. в Карелии почти не осталось (Килин 1999: 223). Такая же проблема выявилась и при переводе школ на финский язык обучения. Ее удалось в той или иной степени решить незадолго до начала войны с Германией направлением в Карелию учителей из Ленинградской области, владеющих финским языком, и организацией курсов по подготовке учителей (Килин 1999: 225). К осени 1940 года более четверти школ Карелии обучали около 15 тысяч школьников на финском языке (КГАНИ, ф. 8, оп. 1, д. 216 ф, л. 17). Активная финнизация школ началась годом позже и проводилась относительно гибко – при переводе на финский язык обучения учитывался в той или иной мере национальный состав школ, место расположения учебных заведений. Общая тенденция была такова: финнизацию ак-

¹ Было отменено преподавание финского языка и запрещен выход газет и журналов.

² Про «Первую финнизацию» см. (Килин 2012).

³ 28 июля 1940 г. бюро ЦК КП(б) КФССР приняло решение о переводе делопроизводства в советских, партийных, судебных, хозяйственных и других учреждениях и организациях республики с карельского языка на финский (Веригин 2009: 195).

тивнее проводили в младших классах школ, а в старших классах временно оставляли преподавание на русском или карельском языках (Килин 1999: 224-225).

Финский язык в этот период, как правило, заменял не русский язык, а карельский. Ю. Килин приводит цитату из директивного письма для райкомов и горкомов, где говорится, что «русский язык должны знать все независимо от национальностей» (Килин 1999: 225). Как и в случае перевода делопроизводства с карельского языка на финский, также и из республиканской прессы карельский язык вытеснялся финским. Это происходило быстрее в северных районах республики¹, а в южных районах постепенный перевод прессы на финский язык закончился только к началу 1941 г. (КГАНИ, ф. 8, оп. 1, д. 216 ф, л. 17).

Кроме упомянутых шагов по возвращению финского языка, следует упомянуть создание карело-финского хора при Радиокomitee, финского фильмофонда с бригадой дубляжа на финский язык, государственного финского театра, обязательная с июля 1940 года параллельная русско-финская официальная корреспонденция и вывески на финском и русском языках и т.д. (Килин 1999: 227).

Если считать приведенные выше факты интенсивным, качественным способом финнизации Карелии, то другой способ распространения финского языка в бывшей финской Карелии можно назвать экстенсивным, количественным. Речь идет о запланированном переселении на территорию КФССР финского населения, а также выходцев из стран Балтии, Скандинавии, проживавших, в основном, к 1940 г. в Мурманской области и, вообще, на Кольском полуострове. Возложена эта задача была на НКВД СССР и сформулирована в приказе Л. Берии № 00761 от 23 июня 1940 г. «О переселении из г. Мурманска и Мурманской области граждан инациональностей» (ГАРФ, ф. 9401, оп. 2, д. 1, л. 207). В Карелию было переселено 7120 человек (из них 4033 финна, 1532 эстонца, 639 латышей, а также норвежцы, литовцы и шведы). Акция была проведена в течение одной недели в июле 1940 г. С. Веригин обратил внимание на следующую деталь:

... в приказе наркома НКВД СССР № 00761 нет ни одного слова о переселении из Мурманской области лиц финской национальности, хотя это решение в первую очередь коснулось финнов. Можно предположить, что с образованием Карело-Финской ССР и началом второго этапа финнизации Карелии

¹ Здесь распространен севернокарельский диалект, наиболее близкий к финскому языку.

финны на короткое время перестали быть гражданами иностранной национальности (Веригин 2009: 196-197).

Однако, нельзя утверждать, что это переселение повлияло непосредственно на языковой ландшафт занятой Советским Союзом части Карелии – переселенцев устроили на жительство подальше от новой границы, в тыловых районах КФССР, несмотря на то, что им обещали расселение на новых карельских территориях. Но остается фактом, что результаты Зимней войны интенсифицировали советскую языковую и культурную политику в объединенной Карелии в целом: власти кардинально изменили отношение к финскому языку с негативного на позитивный и попытались провести финнизацию всех слоев карельского общества. Однако реальной финнизации проведено не было. Как отметил исследователь этого периода развития Карелии Ю.М. Килин:

Программа финнизации Карелии ... была с самого начала нереалистичной и невыполнимой в своем первоначальном варианте. К выполнению наиболее одиозного пункта программы изучению финского языка всем населением Карелии так и не приступили (Килин 1999: 228).

Хотя, конечно, трудно говорить о такой глобальной языковой программе, если в распоряжении властей было немногим более одного года. Но, отметим, что реальным следствием несостоявшейся финнизации стало понижение статуса карельского языка, его вытеснение из общественно-политической жизни республики в частную, бытовую сферу и русификация региона.

Финская оккупация Карелии.

Как было уже упомянуто, после нападения Третьего Рейха на Советский Союз Финляндия за несколько месяцев вернула «свою» Карелию, потерянную в ходе Зимней войны, и заняла значительную часть советской Карелии, включая Петрозаводск. Финская оккупация на этих территориях длилась с конца 1941 до середины 1944 года.

Через десять дней после начала боевых действий против СССР, 20 июля 1941 года, «Карельский освободительный комитет» выпустил обращение к карельскому и финскому народам, где помимо прочего декларировалось отделение Олонецкой и Беломорской Карелии от СССР и воссоединение с Финляндией, «с народом которой

нас объединяет общая кровь, общий язык ...».¹ Стоит заметить, что в этом Обращении карельский язык не упоминается как отдельный финно-угорский язык, ничего не говорится здесь и о его притеснении большевистской властью.

Данные о численности и составе населения Карелии в начальный период ее оккупации Финляндией достаточно сильно разнятся в разных источниках: согласно исследованиям А. Лайне, мемуарам Г. Маннергейма и сведениям финских военных властей (Макуров 1995: 143, 153), в начале оккупации на подконтрольной Финляндии территории проживало от 60 до 90 тысяч человек с соотношением финно-угорского и «ненационального» населения от соответственно 1,5:1 (данные военных властей)², 1:1 (воспоминания Г. Маннергейма)³, 1:1,5 (Laine 1982: 106). Это разночтение может быть вполне объяснимо разным подходом к учету жителей в смешанных семьях и русификацией многих карелов, вепсов и т.д. К концу финской оккупации, к 1944 году, соотношение «национального» и «ненационального» населения, как отмечают разные источники (Лайне 1995: 100; Сеппяля 1995: 102; Веригин 2009: 312; Макуров 1995: 411), было примерно равным. Эта информация напрямую касается вопроса языковой политики, потому что плановая языковая политика предусматривалась только для «национального» населения.

Доминантой языковой политики на всей территории Карелии была та же финнизация, что и в последние довоенные годы в политике СССР в отношении Карелии. Основное отличие в языковой политике этих двух периодов в том, что, во-первых, во время финской оккупации наряду с финнизацией проводилась жесткая дерусификация региона через интернирование «ненационального» населения и вытеснение русского языка у русифицированных карелов, вепсов и других финно-угорских народов; а во-вторых, никакой языковой политики для «ненационального» населения не планировалось, оно не рассматривалось в качестве объекта языкового планирования.

Примечательно, что в отчете Военного управления Восточной Карелией за декабрь 1941 года, т.е. сразу после повсеместного установления новой власти, финский язык как язык образования и культуры имеется в виду по умолчанию: в разделах отчета о народном образовании, культуре, прессе, библиотеках, радио, религии не

¹ Приводится по (Макуров 1995: 77).

² Сведения финских военных властей о численности и национальном составе населения на оккупированной территории приведены в Макуров 1995: 153.

³ G. Mannerheim: Muistelmat. Toinen osa. S. 391 - 392. Приводится в переводе с финского по Макуров 1995: 143.

уточняется язык вещания, преподавания или богослужения. Только в главе «Народные школы» упоминается язык преподавания в школе: «грамотность по финскому языку оказалась ниже ожидаемой». И далее подобной же оценки удостоилось знание финского языка бывшими советскими учителями, которых переобучали для работы в новых условиях в учительском лагере в Миеслахти: «Установлено, что большинство владеет финским языком очень слабо...» (Макуров 1995: 167-168).

В оккупационной администрации был создан отдел просвещения, который выполнял задачи в русле национальной финской политики, целью которой было вытеснение всего нефинно-угорского населения из Восточной Карелии. Это население концентрировалось в лагерях, чтобы в дальнейшем отправить его в Германию или в Советский Союз.

Вскоре по приказу начальника Петрозаводского района эти группы были расселены так, что ненациональное население стало проживать в основном в той части города, которая располагалась к югу, а родственное финнам - к северу от реки Лососинки. Переселение обосновывалось причинами безопасности и, кроме прочего, необходимостью обеспечить отвыкание национальных детей от языка „рюсся”¹ (Куломаа 2006: 99).

В Положении финского оккупационного Военного управления Восточной Карелией о концентрационных лагерях от 31 мая 1942 года говорилось, что в концлагерях содержатся лица «ненационального населения», которые проживают в районах, «где их пребывание во время военных действий нежелательно». Интересно, что внутри таких лагерей, как это отмечено в Положении о концентрационных лагерях, было предусмотрено разделение лиц «ненационального» населения и политически неблагонадежных «националов», которые попали в лагерь. Эти категории заключенных «должны содержаться в разных лагерях или в отдельно находящихся отделениях одного лагеря» (Макуров 1995: 242).

То, что финские власти придавали большое значение дифференциации русского и «национального» населения по всей территории финской Карелии, подтверждается в сохранившихся документах Военного управления Восточной Карелией. Так, как только было обнаружено, что в одной из областей Олонецкой Карелии проживают вместе несколько сотен русских и карельских жителей, было из-

¹ Русского языка.

дано распоряжение об их разделении: «И поскольку нежелательно, чтобы большая группа карелов ... находилась в окружении русских и оставалась вне проводимой ... работы по финизации населения, предлагаю ... отделить от русских карельское население...» (Макуров 1995: 198).

Более того, для отнесения той или иной группы населения к «националам» или «ненационалам» (т.е. подлежащим финнизации или нет) проводились научные исследования. Так, в 1942 году, согласно отчету финских оккупационных органов о состоянии и движении населения на территории Военного управления Восточной Карелии, проводился антропологический и этнографический анализ обрусевшего населения Заонежья «для выяснения национального происхождения жителей». Выяснилось, что «население Заонежья по происхождению финно-племенное и что местное население района имеет в основном те же родовые корни, что и население Финляндии» (Макуров 1995: 311).

Понятно, что главное место среди языков прессы 1941-1944 годов в Карелии занимал финский язык: еженедельная газета «*Vapaa Karjala*» («Свободная Карелия») на финском языке издавалась до самого прихода советских войск. С 1942 г. Военное управление стало выпускать газету «*Raatanen Viesti*» («Паданские вести») также на финском языке. Примечательно, что, например, в «Свободной Карелии» публиковались статьи на карельских диалектах, но все равно это не покрывало потребностей в информации на родном языке для всех народов Карелии. Например, вепсы, которые с трудом понимали финский язык, нуждались в своих средствах массовой информации. Так как значительная часть людей старшего поколения была неграмотной, вепский язык был представлен, в основном, на радио. «Олонецкое радио», основанное финской властью, передавало репортажи с мест на вепском языке (Макуров 1995: 414), а по воскресеньям выходил обзор новостей за неделю по-вепски (Laine 1982: 169).

Карелы, как титульный народ Карелии, хотели иметь прессу на своем языке. Полностью карелоязычная газета «*Ita-Karjala*» («Восточная Карелия») начала выходить с 1941 года до конца оккупации на средства Военного управления Восточной Карелии два раза в месяц (Laine 1982: 168).

То, что информация на карельском языке была востребована во время финской оккупации, можно понять из некоторых документов Военного управления Восточной Карелией, посвященных способам

просветительно-воспитательной работы среди населения Восточной Карелии: «... Олонецкое радио ... могло бы организовать близкие народу еженедельные беседы на карельском наречии, которые привлекали бы все большее количество слушателей. В то же время другие программы, организованные для населения, продолжались бы, как и раньше» (Макуров 1995: 199). В 1943 году в будние дни Олонецкое радио около 20 минут вещало на карельском языке, по воскресеньям, вторникам и пятницам еще дополнительно – 40 минут (Макуров 1995: 414).

В русскоязычной прессе Карелии следует отметить газету «Северное слово», предназначенную сначала для русскоязычных военнопленных, в которой с 1943 года выпускали приложения для гражданского населения (Веригин 2009: 318). На первоначальном этапе работы «Радио Олонца» в передачах использовался и русский язык, однако в апреле 1942 г. от него отказались, увеличив количество передач на карельском языке.

Тем не менее, карельский язык рассматривался финской властью как диалект финского языка, точно также, как в предвоенные годы это трактовала и советская власть. В программах «Радио Олонца», посвященных языковому вопросу говорилось, что язык является признаком национальности, а финский язык является общим для Финляндии и Карелии и только он может быть официальным языком Карелии, карельский язык является лишь наречием финского языка (Веригин 2009: 319).

Языком обучения во всех школах становился финский язык и преподавался как родной. По этой причине дети нефинно-угорских народов оставались вне системы школьного образования вплоть до 1943 г., когда сложившаяся на фронте обстановка заставила финские власти частично пересмотреть свою политику в отношении русских и некоторых других «некоренных» народов. Х. Сеппяля (Сеппеля 1995) отмечает, что уже осенью 1942 года начали организовываться русскоязычные классы в лагерях для «ненационального» населения. Помимо прочего, в них преподавался финский язык (чтение и письмо), а русский имел статус дополнительного языка.

Школы для финно-угорского населения, столкнулись со множеством проблем: прежде всего, там не хватало учебников (Куломаа 2006: 179). А самое главное, что очень мало учеников школ для финно-угорских народов владело финским языком.

Большая часть учащихся говорила только на русском языке, которым их учителя не владели. Несмотря на то что в каче-

стве переводчиков использовались ученики, владевшие финским языком или карельским диалектом, языковый барьер сильно затруднял процесс обучения. Тем не менее по итогам весенней четверти 1942 г. считалось, что все ученики довольно сносно понимали финский язык, а в старших классах на нем в какой-то степени умели и писать. И все же разговорная речь для многих учеников по-прежнему представляла трудность. ... В 1944 г. достижения в этой сфере считались весьма удовлетворительными (Куломаа 2006: 180).

В дидактике преподавания финского языка учителям предлагалось опираться на родные для учащихся карельский и вепсский языки и, по сути, рассматривать финский язык в качестве *Dachsprache*¹ для этих языков. Вот выдержка из Руководства для учителей финских народных школ Восточной Карелии к учебным планам на 1943/44 учебный год:

Основой для изучения (финского) языка должен быть родной язык учащихся, т.е. карельский диалект и вепсский язык, а главной задачей – чтобы учащиеся привыкли употреблять литературный язык при разговоре, чтении и написании. В тех случаях, когда диалект явно отличается от общелитературного (финского) языка, следует останавливаться подольше и пытаться правильную форму внедрить в язык учащихся (Макуров 1995: 371).

Оккупационные власти понимали, что финизация только на уровне школы невозможна, поэтому организовывало обучение молодежи финноугорских национальностей, вышедшей из школьного возраста. В училищах, созданных для этой категории населения, финский язык, считался основным предметом (Куломаа 2006: 181).

Обучение финскому языку проводилось и в лагерях для военнопленных «дружественных» финнам наций: ингерманландцев, карелов, вепсов, мордвинов. Там были организованы курсы финского языка и культуры (Фролов 2009: 411).

Для других советских военнопленных в Финляндии издавался ряд газет: уже упоминавшееся выше «Северное слово» (на русском языке), «Украинец в Финляндии» (на украинском языке). Из Польши доставляли другую украиноязычную газету «Новая доба», а из Германии – русскоязычное издание «Заря» (Фролов 2009: 412).

На протяжении всего периода финской оккупации проходила финнизация фамилий жителей Карелии, большей частью, на добро-

¹ В смысле Хайнца Клосса, как литературную и письменную норму для региональных или микроязыков.

вольной основе (Макуров 1995: 413). В сентябре 1941 года решался вопрос с унификацией топонимики всех занятых Финляндией территорий Карелии. В предписании финского военного управления Восточной Карелией о приведении к единообразию названий деревень на оккупированной территории от 16.09.1941 года говорилось:

Следует брать употребляемые местными жителями названия населенных пунктов, если они являются финскими. ...
Предложения по переименованию русских названий деревень на финские с резолюцией окружного начальника следует послать нам (Макуров 1995: 102).

После очередной смены финской власти на советскую в апреле 1944 года казалось, что грядет очередная волна финнизации: было объявлено о выпуске нового букваря для начальной финской школы и подготовке к переизданию учебника финского языка для начальных школ (Газета «Ленинское знамя», 1944, 11 апреля). Поствоенная языковая политика в Карелии развивалась уже в русле общегосударственного подхода к национальным языкам народов СССР.

Таким образом, в языковой оккупационной политике Финляндии и СССР в Карелии во время Второй мировой войны наблюдалась, как минимум, одна общая черта – оба государства объявили целью финнизацию территорий. При этом карельский язык обеими сторонами трактовался как диалект финского языка. По отношению к русскому языку политика двух стран была противоположной: если советская оккупационная власть по понятным причинам была заинтересована, как минимум, в частичной русификации региона, то финская власть проводила политику сепарации русскоязычного населения и вытеснения русского языка из языкового обихода в Карелии.

Литература

Веригин С. Карелия в годы военных испытаний. Политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны 1939-1945 гг. Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2009.

ГАРФ. Государственный архив Российской Федерации.

КГАНИ. Карельский государственный архив новейшей истории.

Килян Ю.М. Карелия в политике Советского государства (1920-1941). Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 1999.

Килян Ю.М. Пограничная окраина великой державы: Советская Карелия в 1923-1938 гг. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2012 // Первая финнизация Советской Карелии // URL:http://carelica.petrstu.ru/Reading_hall/Pogranich_Karelia/TEXT/GL6.pdf

Клементьев Е.И. Карелия: штрихи к этнополитическому портрету (история и современность) // Этнопанорама. 2002. № 2. С. 48-59.

Куломаа Ю. Финская оккупация Петрозаводска, 1941-1944. Петрозаводск: Алексей Ремизов Rif Company, 2006.

Лайне А. Карело-Финская Советская Социалистическая Республика и финны // В семье единой: Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920-50 годы. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ. 1998. С 223-250.

Лайне А. Национальная политика финских оккупационных властей в Карелии // Вопросы истории Европейского Севера: (проблемы социальной экономики и политики: 60-е годы XIX-XX в.): Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 1995.

Макуров В.Г. (ред.). По обе стороны Карельского фронта, 1941-1944. Документы и материалы. Петрозаводск: Карелия, 1995.

Осипов А.Ю. Оккупационный режим Финляндии в Советской Карелии // Устная история в Карелии: сборник научных статей и источников. Выпуск 3: Финская оккупация Карелии (1941-1944). Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2007. С. 23-27.

РГАСПИ. Российский государственный архив социально-политической истории.

Сеппяля Х. Север, 1995 // Финляндия как оккупант в 1941-1944 годах // URL:<http://www.aroundspb.ru/finnish/sepp/sepp3.php>

Фролов Д.Д. Советско-финский плен. 1939-1944. Хельсинки: RME Group Oy; Санкт-Петербург: Алетейя, 2009.

Laine A. Suur-Suomen kahdet kasvot. Ita-Karjalan siviilivaeston asema suomalaisessa miehityshallinnossa, 1941-1944. Helsinki: Otava, 1982.